

УДК 94(47).04

К. А. Кочегаров

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01

Последние дни Юрия Хмельницкого (осень 1680 – весна 1681 г.)

Кочегаров Кирилл Александрович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9877-7381

Цитирование

Кочегаров К. А. Последние дни Юрия Хмельницкого (осень 1680 – весна 1681 г.) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 12–46.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01

Статья поступила в редакцию 05.03.2025.

Рецензирование завершено 12.03.2025.

Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация

По мере завершения русско-турецкой войны 1672–1681 гг. османская сторона теряла интерес к поддержке своего ставленника на Правобережной Украине, гетмана Юрия Хмельницкого. Для последнего это грозило скорым свержением с поста, тем более что известия о его замене на османского администратора появились уже в начале 1680 г. В этих условиях осенью 1680 г. Хмельницкий всячески поддерживал распространение слухов о готовящемся крупном османском нашествии на Киев весной следующего года и пытался организовать нападения татарских отрядов на окрестности города. Эти слухи крайне тревожили левобережного гетмана Ивана Самойловича, пересылавшего в Москву информацию о военных приготовлениях турок, поступавшую от лазутчиков и выходцев из турецко-татарской неволи. Весьма вероятно, что султанский двор также активно поддерживал распространение известий о своих военных приготовлениях, чтобы сделать Россию более уступчивой на мирных переговорах. В действительности Порты и Крым также стремились к миру, заключение которого окончательно решило судьбу Хмельницкого. Он был смещен со своего поста и отправлен в Константинополь.

Ключевые слова

Иван Самойлович, Юрий Хмельницкий, русско-турецкая война 1672–1681 гг., Правобережная Украина.

И Юраско де от ратных людей великого государя был в великом опасении и во все лето они день были на лошадях, а в ночь держали лошадей в руках и саадаки опоясаны, а сам Юраско был во всяком страху и безпрестанно лежал на замке, что послышит тревогу, то тотчас к ним и выбежит...

«Роспросные речи»

пленного татарина К.Б. Булгакова. –

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 19–20.

Осень 1680 г. стала последней в короткой и трагической эпохе правления Юрия Хмельницкого (1677–1681 гг.), марионеточного про-турецкого «князя Украины», не только с точки зрения кризиса и разложения системы власти правобережного гетмана¹. Она символизировала закат эпохи «османской» Украины – крах попыток создания вассального султану политического образования с порой на казацкую верхушку.

По мере наступления осени 1680 г. Ю. Хмельницкий мог организовывать лишь мелкие татарские набеги; хлопотать о сохранении в Немирове постоянного татарского контингента; надеяться, что на будущий год план турецкого похода на Киев все-таки будет реализован, и всячески пропагандировать его скорое осуществление; по-прежнему напоминать о себе в Стамбуле предложениями расширить территории подвластных ему земель, особенно в связи с начинавшимся польско-османским размежеванием границ в Подолье. Ряд свидетельств об этом отложились в материалах российских архивов.

1 сентября 1680 г. киевский полковник Константин Солонина сообщал И. Самойловичу о прибытии в Киев некоего Ивана, выходца из «Белгородчины», который по пути на два дня останавливался

¹ Историографию проблемы, характеристику источников и вводные замечания касательно времени последних двух лет правления Ю. Хмельницкого на Правобережной Украине см.: *Кочегаров К. А.* Сумерки Юрия Хмельницкого на Правобережной Украине (осень 1679 – лето 1680 года) // Восточнославянские исследования. М., 2025. Вып. 4 (в печати).

в Немирове. Там он виделся с Семеном Гречкой – приближенным Хмельницкого, который ездил по поручению правобережного гетмана в Османскую империю весной 1680 г. Гречка рассказал, что как раз «пришел ныне от салтана, от Хмельницкого был в посольстве». Он передавал поклон «господину полковнику» Солонине, прося ему сообщить: «Пусть людей берегут, на осень и в зиму орды великие будут, и хан сам зимовати имеет в волоской земле, а турецкия войска на сей стороне Дуная». Гречка признался, что хотел и сам написать об этом Солонине, «но боитца скоро суда», поскольку «зело зол на них Хмельниченко». Он даже заявлял, что «если бы пришло войска тысячи три или четыре, то б Немиров взяли, а он бы был им помочником»². В ноябре 1680 г. Ян Гиновский-Астаматий, служивший молдавскому господарю, сообщил гетману И. Самойловичу новые подробности о миссии Гречки. Ю. Хмельницкий посылал Гречку не только просить военной помощи, пугая угрозой русского наступления, но и убеждать визиря, чтобы турки потребовали от Речи Посполитой передачи «князю» Украины Павлочи, Белой Церкви и земель «по Случь реку как преже сего бывало»³. Посольство Гречки было несомненно связано с польско-османским разграничением Подолья, которое завершилось 14 октября 1680 г. н. ст. При этом стороны договорились и о разграничении украинских земель, которое было решено отложить в виду наступающих холодов на следующий год⁴. Каменецкий паша сообщил польской стороне, что турки планируют начать межевание Украины весной⁵. Это объясняет поведение Ю. Хмельницкого, для которого будущая пограничная комиссия должна была стать решающим событием в определении его политического будущего. Чем больше украинских земель османы смогут выторговать у польских переговорщиков, тем более прочной и основательной должна была стать власть

2 Цедула к письму К. Солонины – И. Самойловичу. 1 сентября 1680 г. Козелец. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 6–7. Еще одно сообщение С. Гречки, о разрыве польско-турецких отношений, было, очевидно, ложным.

3 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 275–276; Там же. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ч. 2. Д. 1139. Л. 22–24. См. также: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 2–2 об.

4 *Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warszawa, 1994. S. 101.*

5 *Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 66.*

«князя» под османским протекторатом. В этих условиях Хмельницкий, с одной стороны, пытался заручиться поддержкой со стороны османов его территориальных претензий в отношении Речи Посполитой, с другой – для оказания давления на власти Левобережной Украины пытался всячески нагнетать слухи о военных приготовлениях турок и их намерениях прийти под Киев будущей весной с крупными силами.

25 октября русский дипломат, подьячий Н. Кудрявцев сообщал из Константинополя о получении при султанском дворе грамоты Ю. Хмельницкого, к которой был приложен чертеж «града Киева и Печерского монастыря». В самом послании говорилось «о славе града Киева и Печерского монастыря, что называют они (т. е. Хмельницкий и украинские казаки. – К. К.) вторым Иеросалимом». Соответственно, правобережный гетман пытался внушить османам свои «тайные вымыслы», чтобы разрушить намечавшееся русско-крымско-турецкое мирное соглашение походом войск султана и хана «на град Киев и на малороссийския городы». Одновременно Хмельницкий пытался торпедировать результаты польско-османского разграничения в Подоле и добивался, чтобы при разграничении Украины турки потребовали передачи им Белой Церкви и всей «полской Украины»⁶.

По свидетельству пленного белгородского татарина К. Б. Булгакова (прислан в Москву в начале октября 1680 г.), где-то в конце августа 1680 г. находившийся при «князе» Украины татарский «мурза» (скорее всего Темир-Казы-мурза) послал под Киев «для добычи языков» отряд в 25 всадников. Отряд сумел захватить людей «по лугу» у р. Лыбеди (видимо, пасших скот), но 30 августа попал в засаду к казакам наемной конной сотни Кирилла Дмуховского у Треполя (квартировала в Киеве с весны), которые «за ними ганяли и был у них с казаками бой». В результате полон был отбит, пятеро татар попали в плен, остальные бежали, не сумев захватить языков. Четверо

6 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 163 об.–164. Вряд ли можно согласиться с М. Р. Яфаровой, которая полагает, что указанное послание Хмельницкого было связано с весенними требованиями султанского двора к Хмельницкому прислать описание маршрутов на Киев (*Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние в 1672–1681 годов. М., 2024. С. 472*).

Содержание отписки о планах Ю. Хмельницкого Н. Кудрявцев кратко изложил в своем статейном списке. К сожалению, дело фонда № 89, содержавшего подлинные отписки Кудрявцева, ныне по описи значится выбывшим. См.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Л. 46 об.

пленных были доставлены к гетману Самойловичу, а затем трое из них – в Москву⁷. Вести, сообщенные Булгаковым, были весьма успокоительными. Он отмечал полную военную пассивность Турции и Крыма в течение 1680 г. несмотря на то, что турецкой стороне было хорошо известно об отводе царских войск из-под Киева и оставлении там «немногих полков». Некоторая активность османов была связана с планировавшимся польско-турецким разграничением на Украине, но в итоге даже собранный для этих целей корпус далее Дуная не двинулся⁸. Весьма сомнительные слухи если и говорили о походе турок на Киев, то в лучшем случае весной 1681 г. Не предвиделось, по свидетельству пленника, и никаких признаков активизации крымских войск в ближайшие месяцы⁹. На этом фоне, однако, немалой тревогой были наполнены летние будни «князя» Украины, при котором оставалась только сотня казаков. К. Б. Булгаков рассказывал: «И как де великого государя ратные люди были под Киевым, и Юраско де от ратных людей великого государя был в великом опасении и во все лето они день были на лошадях, а в ночь держали лошадей в руках и саадаки опоясаны, а сам Юраско был во всяком страхе и безпрестанно лежал на замке, что послышит тревогу, то тотчас к ним и выбежит, и есть ли б великого государя ратных пришло невеликое число,

7 Грамота И. Самойловича на царское имя. 15 сентября 1680 г. Батурин. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 23. Л. 1–4; К. Дмуховский – И. Самойловичу. 31 августа 1680 г. «С под Пирогова». – Там же. Л. 5–6; «Роспросные речи» пленного татарина К. Б. Булгакова. – Там же. Д. 26. Л. 2, 16. Об этой стычке киевский полковник К. Солонина сообщал гетману в письме от 10 сентября (Там же. Л. 8).

8 «Сего лета войска турецкого нигде в собрании не было, толко один Усейн-паша Кривой стоял на той стороне Дуная в Сакче, войска де при нем было толко тысячи с 3 или с 4 и никуды тот паша за Дунай сего лета не ходил, а стоял он для того, что хотел идти под Каменец-Подольской для розграничения рубежей с поляки. И под Каменец де Подольской он не ходил ж, а посылал де он в Польшу чауша для того, чтоб турком поляки отдали Львов, и слышали они, что турки с поляки помирились».

9 «Хан крымской и салтаны, нурадын и калга ныне все в Крыму, ханской сын в Белогородчине для того, что даны ему села и он тех сел осматривает и гуляет, а при нем орды ничего нет, и нынешнего лета хан и салтаны с ордою на Украине не бывали для того, что салтан турецкой сам на Украину войною не ходил и войск своих не посылал, и к хану о том указу не бывало ж, а в нынешнюю осень и зиму на Украину сам с ордою или салтаны будут ли, не слышал».

и Юраску б взяли, а они (татары. – К. К.) за него стоять много не стали, тот бы ево час отдали, для того, чтоб им была уже прость (прямой путь, видимо, имеется в виду, чтоб была открыта дорога домой, в Белгородчину. – К. К.)»¹⁰.

Гетмана Самойловича, впрочем, подобные известия совершенно не успокаивали. В сентябре-октябре он слал в Москву новые свидетельства выходцев из османской неволи, которые рассказывали об очередных военных приготовлениях турок. Один из них, чигиринский казак Ф. Моренец, возвращаясь из турецких краев, посетил Немиров и встретился с Ю. Хмельницким, «которой ево узнал, спрашивал ево откуду он пришол». Хмельницкий интересовался, как проходит польско-турецкое разграничение («чево турецкие паши по становлению рубежей с поляки учинили»). Моренец был в неведении, на что «князь» заявил хвастливо: «Что ты тово не знаешь, авось я знаю, что уж договоры о постановлении рубежей вершились. Дошли де заднепрские немерного дела, – грозил Хмельницкий, – не похотели меня, пана своего, слушати и почитати, а так, коль скоро перезимуем, тотчас все войска турецкие пойдут под Киев, и от того тяжело будет Заднепрю и нихто там не устоится». Напоследок правитель Немирова стал уговаривать Моренца поступить к нему на службу, «обещая ему коня и платья, и страшал ево, ведай де то, что чрез всю зиму ходити имут на Заднеприе орды, а аще ли бы еси пошел в Уласовку¹¹, то скоро где-нибудь в поле или в дуброву из двора выйдешь, паки тебя татары возмут». Однако Моренец усиленно просил отпустить ему домой и в конце концов «не возбранил то ему Хмелниченко». После этого бывший пленник увиделся с генеральным есаулом правобережного гетмана Кириллом Самченко, которого он спросил, «будут ли коли-нибудь жить люди в Чигирине», его родном городе. Самченко признался, что ответ на этот вопрос «лехкой», поскольку хотя сейчас «то де быть не может», но в будущем, «как придет салтан турецкой на пришлое лето под Киев и учинит покой с царем московским, и то постановят, чтоб и из Заднепря на сей бок чигиринской идти было волно, и в то время в Чигирине и в ыных городех люди посажены будут»¹². Моренец, придя в Батурин, сообщил, что видел «войско

¹⁰ Там же. Д. 26. Л. 17–20.

¹¹ Возможно, ныне с. Власовка Броварского района Киевской обл. (Украина).

¹² «Роспросные речи» Ф. Моренца. 24 сентября 1680 г. Батурин. – Там же. Л. 29, 31–32.

турское при тринадцати пашах, собранное под Сакчею в Петров пост (12 июня – 28 июня), меж которыми начальной был Кара-Агмет паша. И с тех пашей шесть пошло под Каменец, а семь остались под Сакчею, а которые пошли под Каменец, над теми начальной Алий-паша, обоз тех пашей под Каменцом, а конное войско с теми паши пошло к тем городам, где рубеж постановлен быти имеет». К этому Море-нец, который был рабом турецкого сипаха, вызванного на службу под Каменец-Подольский, добавил, что слышал «у своего господина турка и иных аг, что тем всем пашам назначено зимовать в городах над Дунаем и для того и спаги, и аги из людей своих подданных на зиму и пришлое лето денежные подати брали и всякими надобными запасы изготавились». Весной в Бабу (ныне г. Бабадаг в Румынии) собирався выступить якобы сам султан, чтобы оттуда послать армию на Киев во главе с великим визирем¹³.

Этому вторили другие сообщения за указанный период. Выходец из турецкого плена, бывший «стрелец» из Коростышева Тишка Медведь, прибывший в Киев 27 августа, сообщил, что на обратном пути посетил Теребовль (Галичина), где собирались в лагерь польские войска. Там он слышал вести о будто бы пришедших под Каменец-Подольский османских войсках во главе с 14 пашами¹⁴. В начале сентября появились слухи, что часть орды, бывшая на польско-турецкой комиссии, планирует набег чуть ли не на Чернигов¹⁵. А вот достаточно подробные свидетельства прибывшего в Москву 6 октября знатного товарища Прилуцкого полка Леонтия Костырко были скорее разноречивыми. С одной стороны, он утверждал, что турки воюют с моджарами (мадьярами, т. е. венграми)¹⁶ и даже с Францией¹⁷, что османские

13 Там же. Л. 29, 30.

14 К. Солонина – И. Самойловичу. 1 сентября 1680 г. Козелец. – Там же. Л. 4–6.

15 С. Куницкий – И. Самойловичу. 4 сентября 1680 г. Белая Церковь. – Там же. Л. 12–13; И. Скорошко – киевскому войту Ж. Тадрыне. 27 августа 1680 г. Белая Церковь. – Там же. Л. 14–15.

16 «Нынешние весны всчали было с турком войну моджаре и некакова турского бея побили». Здесь отражены события, связанные с движением куруцев в венгерских землях под руководством И. Текели, которое, однако, было направлено против императора Леопольда I, а не против османов.

17 «Нынешняго де лета турской салтан посылал войною на француз, на Белое море каплан-пашу (капудан-пашу – командующего флотом. – К. К.) с войском и ис того походу пришла в Царьгород ведомость, что каплан-паша потерял войска 40 катарг, а побили турков морские

войска понесли огромные потери при осаде Чигирина¹⁸, что султан недоволен крымским ханом за его самовольные действия¹⁹; с другой – заявлял о концентрации османских войск на Дунае и подготовке масштабного похода турок на Киев в следующем году²⁰ и нежелании султана заключить мир с царем²¹. По свидетельству Л. Костырко, Ю. Хмельницкий пребывал «в Немирове, а орды при нем пятьсот человек, а казаков человек со сто». При этом хан и «салтаны» находятся в Крыму, а «на Украине орды» пленник «не слышал»²². Гетман Самойлович, впрочем, как будет показано далее, в своих грамотах царю концентрировался именно на тех свидетельствах выходцев из плена и других информаторов, которые указывали на грядущую эскалацию русско-османского конфликта, оставляя в стороне то, что свидетельствовало о его угасании и скором возможном мире.

Помимо якобы близившегося османского нашествия на Киев, в этот период левобережного гетмана, как и Хмельницкого, особенно беспокоило польско-османское разграничение. Прибывший в Киев 3 сентября слуга коронного надворного маршалка М. К. Сенявского Миколай Яницкий с письмом к компанейскому полковнику Я. Павловскому сообщил, что якобы «подлинно господа поляки всем Подолием поступились турком так, что и сам гетман коронный свой старинной отчинной город Збараж отдал турком» и что «учинился рубеж, по реку, названную Стрипа»²³. Сведения были неправдивыми – Збараж находился на Волыни и речь о передаче его османам не шла; новая османско-польская граница

разбойники». В данном случае это отголоски событий борьбы Франции с алжирскими пиратами, которая в полную силу началась в 1681 г.

18 «А по два лета на Украину турецкие войска не были для того, что ни с чем было появитца, ис-под Чигирина их и половины назад не пришло и от того походу в турках много вдов осталось».

19 «Салтан турецкой на хана крымского сердитовал за то, что он прошлые зимы выходил ис Крыму на Украину без ево салтанского указу и от тех своих своевольных походов напрасно они гинут, и чтоб он посылал с ево турецким войском пополам орду. И для того ныне ханскому сыну велел зимовать в Белгородчине, а с ним орды 20 000, и ханской сын в Белгородчине ныне сена косили и всякие запасы готовили, и таборы строили».

20 «...в те два годы казну збирали и людей, и всякие запасы готовили, и на пришлою весну под Киев подлинно будут войною, а миру с великим государем учинить не хочет [султан] для своего стыда».

21 Там же. Д. 23. Л. 7–12.

22 Там же. Л. 12.

23 Там же. Д. 26. Л. 9.

проходила по р. Стрыпа лишь у ее впадения в Днестр (район Язловца). Чуть позже в Киев прибыл из Белой Церкви католический священник для исповеди и причастия офицеров-католиков из киевского гарнизона. Он подтвердил, что «поляки все Подольское воеводство как было в своих границах отдали турку», но последние еще и «домогались украинных городов, а наипаче Белой Церкви и Паволочи (остались за Речью Посполитой по Журавненскому миру 1676 г. – К. К.), дая им за те города Язловец и Чантков (Чортков. – К. К.), и Поток в Подолии», а также собственно Украины (правобережной части Среднего Поднепровья). Османам эти правобережные территории якобы нужны были для того, чтобы открыть путь на Киев, но польская сторона отказала в их передаче²⁴. Корреспондент киевского войта из Белой Церкви уточнял, что турки требуют земли до верховьев рек Тетерев и Рось (южнее Житомира), а также Белую Церковь, выражая готовность уступить за это часть городов в Подолье²⁵. Общий тон всех этих вестей говорил об агрессивности турок и их намерении прочно закрепить за собой Правобережье, что станет прологом будущей борьбы за Левобережную Украину.

Между тем по требованию опасавшегося новых татарских нападений Самойловича переяславский полковник Войца Сербин разослал расставленным на границе наемным пехотным полкам распоряжения об усилении бдительности, а по пограничным селам приказы, «чтоб в города перевозились». Полковник, подлаживаясь к мнению гетмана, уверял его в обоснованности этих мер, сообщая о почти ежедневном появлении «немалых собраний неприятельских» недалеко от Киева – в районе Стаек и Триполья, что только подстегивало селян оставаться в городах, где они укрылись²⁶. Этому вторил киевский полковник К. Солонина, писавший, как «орда многажды с небольшими людьми подбегает под Киев, но конечно некому сопротивится им и отпору дати, а компания неведомо для чего скитаецца и гуляет около Пуховки²⁷, где уже нестерпимые бедным людям поделали там убытки в животине». Солонина просил дать приказ наемникам идти под Киев «для отпору частым неприятельским подъездам»²⁸. Из Белой Церкви, впрочем, сообщали,

24 К. Солонина – И. Самойловичу. 15 сентября 1680 г. Киев. – Там же. Л. 35–37.

25 И. Скородко – Ж. Тадрыне. Б. д. Белая Церковь. – Там же. Л. 42–43.

26 Войца Сербин – И. Самойловичу. 17 сентября 1680 г. Переяслав. – Там же. Л. 33–34.

27 Возможно, ныне село в Броварском районе Киевской обл. (Украина).

28 К. Солонина – И. Самойловичу. 15 сентября 1680 г. Киев. – Там же. Л. 37.

что под Киев ходят именно немировские татары («только немировские сотнями несколько десятков ходят под Киев, а о иных не слыхать»)²⁹.

В своей грамоте на царское имя от 25 сентября гетман Иван Самойлович добавлял к собранным известиям, что ему лично вышедший из плена Л. Костырко рассказывал, будучи очевидцем, что турки готовят для будущего похода порох, ядра и иное военное снаряжение. Другой выходец из плена – бывший каневский казак Харко Григорощенко («из Немирова недавно утеклец») побывал «от врага Хмелниченка с посыльщики в Царграде и подлинно о том наслушался, что сам салтан турецкой со всеми своими войски и воинскими доволствы на будущее лето войною под Киев готовитца и к врагу Хмелниченку салтан писал, чтоб он всякие воинские себе запасы готовил и к тому ж будущелетнему времени под Киев на войну был готов и имел бы на нынешнюю зиму много сена, чтоб откармливать лошадей татарских, которые татаровя в будущую зиму по указу салтанову приходить будут войною на сю сторону Днепра». Резюмируя все известия сентября, гетман констатировал: «Все выходцы и утеклицы, и иные всякие, сколько их ис турецкой земли ни приходило, люди нарочитые, языки, слово в слово о том сказывают, что в два те лета турецкой салтан готовился во всякие готовности в великие войска и во многие воинские запасы и на будущее лето под Киев сам особою своею будет». Гетман просил царское правительство готовить войска к отражению будущего нашествия, собирать воинские запасы в Киев и усилить разведывательную деятельность в «турецкой земле». Обсуждая польско-османское разграничение, Самойлович тревожился, что «нету еще конца разграничению Украины тоебочной стороны Днепра, какой з городом белоцерковским усердно турки договариваютца, который тот город белоцерковский будто турки для приходу своего под Киев зело потребный быти себе имянуют»³⁰. В ответной царской грамоте от 12 октября Самойловича успокаивали, что «ратные люди» Севского и Белгородского разрядов пребывают «во всякой воинской готовности, а в Киеве ныне воинских припасов многое число, а к предбудущей весне воинские всякие припасы в прибавку к прежним запасом присланы будут по первому зимнему пути, а хлебные запасы по-прежнему изо Брянска стругами будут присланы», наконец, киевскому воеводе И. С. Большому Хитрово будет дан указ активизировать разведывательную деятельность по совету с гетманом³¹.

29 И. Скородко – Ж. Тадрыне. Б. д. Белая Церковь. – Там же. Л. 43.

30 Там же. Л. 21–27.

31 Там же. Л. 48–51.

Тем не менее в оставшиеся дни октября – начале ноября гетман вновь донимал Москву сообщениями и свидетельствами, которые, по его мнению, должны были укрепить представления русских властей о неизбежном витке эскалации в противостоянии с Османской империей и Крымским ханством. Так, вышедший из крымской неволи священник Мартырий из села Нехаевки (недалеко от Переяслава) сообщил в Батурине, что «сия речь в Крыму носится, что салтан турской на будущее лето имеет быть войною под Киев, а будто уж воинские пушечные запасы через Дунай перевез». Соответственно и хан «учинил указ всем ордам, чтоб всякой татарин кормил кони и готовился на войну на близ будущую зиму, чтоб подлинно и конечно все орды сюда на Заднепрье войною быть могли»³². Многие татары при этом желают мира с Россией, «но так, чтобы с их славою и корыстью было»³³. Гетман, пересказывая свидетельства Мартырия, обратил внимание на имевшие место мирные настроения в ханстве, но складывается впечатление, что подобные сведения его раздражали и он, хотя и не скрывая их от Москвы, немедленно искал им некий противовес. В этот раз Самойлович не преминул заметить, что решающее слово все равно остается за султаном, чьи намерения не ясны, а «языки и многие выходцы сказывают, что турецкие войска из-за Белого моря, из Натолии, из Мисиря, и из ыных стран высланы на службу и к Дунаю справлены, из чего познаваецца к войне уготовленье»³⁴. Очередные свидетельства подобных выходцев Самойлович не замедлил переслать в Малороссийский приказ.

Сын уманского протопопа Яков Погорецкий попал в плен при разорении Умани в 1674 г. Некоторое время он жил в Константинополе в некоем подобии странноприимного дома («в гане царском Магмут-паша называном, в котором всякие чюжеземцы-пришлецы и по части тамошние люди, достаточного жития своего не имеющие, живут») и «кормился... ремеслом» около трети года в 1680 г. Там он слышал, что «похотел было салтан турской войска свои под Киев послать, но янычане той посылке противны учинилися, такую отговоркою, еще совершенно чигиринские труды и раны наши нам не зажили, а вы нас паки гнать хотите на труды воинские, и одни янычаны

32 «Роспросные речи» священника Мартырия. 8 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Д. 27. Л. 13–14.

33 Там же. Л. 11.

34 Грамота И. Самойловича на царское имя. 15 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Л. 4–5.

стояли при упоре, а другие, бояся того походу, розно у пашей бегали, того ради отложено тое войны намерение на будущее лето, на которое всяким способом приготавлиютца погане, войска себе прибавливают, пушек новых вылиты з двести в Царьгороде, порохи и ядра готовят, а войскам далним велено сходитца к Дунаю особно тех, что ныне у мосту Дунайского под Сакчею обретаютца, и под Коменцом-Подолским для разграничения пребывали, зимовати имеют по обе стороны Дуная». К весне туда якобы должны были прибыть сам султан, великий визирь и «болшие паши», чтобы со всей армией двинуться на Киев³⁵. Под Исакчей сын протопопа собственными глазами видел турецкие войска, но не мог определить их численность³⁶. В Яссах он встречался с иерусалимским патриархом Досифеем, который сообщил Погорецкому и сопровождавшему его священнику, что «когда донесет вас Господь в землю рускую, говорите старшим, дабы царь православный и гетман запорожский о намерении турецком ведали, что они, бусурманы, конечно хотят будущего лета с войсками своими много прибылыми войною под Киев быть». При этом Досифей даже изложил Погорецкому и его спутнику стратегию турок на будущую кампанию. Пехотные войска должны будут осадить Киев, а конница – переправиться на левый берег Днепра через одну из переправ в низовьях реки и «христианскую рускую сторону воевать». При чем для перевозки конных войск османы якобы планировали пригнать к Днепру суда («чолны»), «на которых бы удобно могли войско свое конное через Днепр переправлявати»³⁷. В этих планах не было ничего фантастичного – в низовьях реки располагались Казыкермен и другие османские крепости, прикрывавшие переправу. В 1687 г. через нее как раз на судах достаточно быстро переправилась десяти-двадцатитысячная крымская конница нураддина Азамат-Гирея, отступавшая после сражения с московско-казацкими войсками севского воеводы Л. Р. Неплюева и черниговского полковника Г. С. Самойловича³⁸.

Еще один пленник, Павел Крищенко-Квачко, житель Кременчуга, провел в плену в Белгородской орде полтора года и вернулся домой на праздник Покрова (1 октября 1680 г.). Он сообщил

35 «Речь Якова Погорецкого». 1 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Л. 23–25.

36 Там же. Л. 25.

37 Там же. Л. 25–26.

38 Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022. С. 105–108.

подробности о масштабном сборе продовольствия: «Сего ж лета салтан турецкой по восьми левков на десять татариноров в каждое село татарское присылал, приказывал татаром, дабы за те восемь левков десять их человек татар воз пшеницы насыпав, в Каменец-Подольской своими лошадми отвозили, но татаровя, не могучи за ту цену поставить того воза пшеницы, сами свое запасы десять их человек ссыпав, еще по два левка своих, а в ыном месте и болши давали на извощика». Выходец уверял, что ранее османские власти подобными сборами татар не обременяли³⁹.

Вышеуказанные свидетельства доставил в Москву Роман Маляренко, попавший в плен в ходе взятия турками Канева в 1678 г. и оказавшийся в рабстве при дворе великого визиря, где работал как «моляр» и «писал полаты». В марте 1680 г. ему удалось сбежать и добраться на Украину с нежинскими купцами-греками⁴⁰. Его многочисленные повествования, видимо, должны были произвести на московских бюрократов особое впечатление. Как и многие остальные выходцы, Маляренко также уверял, что турки два года собирали войска со всей империи, чтобы двинуться весной под Киев. Он сам видел у Дуная расквартированные османские контингенты с артиллерией и продовольствием, а также отправку новых на судах морем из Константинополя в Измаил и Исакчу. Общее выступление в поход якобы было намечено на день Святого Георгия – 23 апреля, в надежде «приходом своим упредить под Киев преже великого государя ратных людей и учинить над Киевом воинской промысл в небытности великого государя ратных людей». Провиант для армии якобы собран на три года, крымскому хану послан султанский указ поднимать орду в набег на Левобережье «по последнему зимнему пути», чтобы затруднить марш русским войскам на Киев. При этом для отвлечения внимания турки «пускают голоса», что «будущие весны пойдут на моджаров» (венгров), хотя на самом деле помирились с ними. Сведения свои Маляренко получал от Магмета, казначея самого визиря, которого «по-руски» звали Степан, потому что он происходил из Подолья, был взят в неволю 14 лет назад и насильно обращен в ислам. Он, тем не менее, был к «породной своей христианской вере верен», а к самому Маляренко «добр»⁴¹.

39 «Роспросные речи» П. Крищенко-Квачко. 1 октября 1680 г. Бату-рин. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 27. Л. 27–28, 31.

40 Там же. Л. 36–37, 44–45.

41 Там же. Л. 40–41, 43–44.

Иван Самойлович, анализируя вышеприведенные свидетельства, не обращал внимания на недовольство янычар якобы грядущим походом на север; он в первую очередь доверял информации, полученной Маляренко от бывшего христианина, с которым пленник жил «дружно», а также разоблачению «тайных планов» султанского двора патриархом Досифеем. В который раз гетман указывал московскому правительству на необходимость срочной мобилизации всех сил для отпора врагу, «не обнадеживаясь на их поганское... к миру призывание»⁴². В другой грамоте, отправленной в Москву спустя неделю после выезда в столицу Р. Маляренко, гетман не уставая твердил, что «сколь много в сих днях от розных выходцов ис турской земли ведомостей имею, которые в едино слово говорят о замысле салтана турского, что ныне зело великие силы свои бусурманские собрал на войну и хочет на будущее лето с ними быть под Киев». В этот раз он ссылался на донесение молдавана Мухи Волошенина, который уже некоторое время служил гетману в качестве командира отряда в несколько десятков человек таких же, как он, «волохов». Самойлович еще весной послал его «в поля в Волоскую землю» за Днестр и за Прут, где отряд пробыл все лето до начала осени, «стерегучи шляху х Каменцу-Подолскому от Яс належащаго и людей по том ис турской земли из Яс в Каменец-Подольской идущих и ис Каменца назад возвращающихся». Отряду Мухи якобы удалось захватить несколько десятков «языков турецких», но по стечению обстоятельств всех их он «потерял»: «одних паки турки и татары, стерегучи по сторонам, великими подъездами поотбили от него, а иных сам с товарищи, видя, что невозможно их было живьем сюда привести, на дороге порубили». Все эти потерянные языки, а также встреченные в молдавских краях Мухой знакомые «во едино слово твердили ему, что конечно на будущее лето сам салтан турской особую своею имеет быти под Киев». Гетман вновь повторял уже известные сентенции о всеобъемлющей мобилизации и вооружении войск империи, зимовке крупных османских контингентов в районе Дуная⁴³, хотя свидетельство Мухи Волошенина в приказ не прислал. В подтверждение же роста крымской угрозы Самойлович направил в столицу письмо кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Стягайло. 6 октября 1680 г. тот сообщал располагавшемуся с отрядом в низовьях Днепра

42 Грамота И. Самойловича на царское имя. 15 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Л. 15–21.

43 Грамота И. Самойловича на царское имя. 21 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Д. 28. Л. 2–5.

царскому стольнику В. Ф. Перхурову о крымских планах нападения на Левобережье. О них стало известно от вышедшего на кош двумя днями ранее некоего Якова, который провел несколько лет в рабстве у аталыка крымского визиря в Бахчисарае. По его словам, хан Мурад-Гирей посылает двух сыновей, Кантемир-султана и Негирей-султана, в Белгородскую орду для подготовки похода белгородских татар «на Заднепріе». При этом сам хан после курбан-байрама (должен был совершиться в октябре 1680 г.) намеревался переправить войска через Керченский пролив и, объединившись с черкесами, вторгнуться в российские пределы со стороны Азова⁴⁴.

Крайне алармистский тон писем гетмана Самойловича о неминуемом османском вторжении в ближайшие месяцы уместно сопоставить с корреспонденцией польского резидента в Стамбуле Самуэля Проского. Он также был субъективен в оценках и акцентировал внимание на слабости империи, потакая надеждам короля Яна Собеского отвоевать у турок Подолье и утвердиться в Молдавии или Валахии, однако отдельные его наблюдения, несомненно, заслуживают внимания. В трех своих донесениях, написанных в июле, октябре и ноябре 1680 г., Проский констатировал полную неготовность османов вести войну далее. «О Kijowie więcej nie myślą, ni o Czechrynie, tylko o tym, jakoby się z wojny z Moskwą wypłatali» («Не думают более ни о Киеве, ни о Чигирине, а только о том, как выпутаться из войны с Москвой») – писал он в июле. Он не переставал удивляться, почему «казаки и москва» испугались в текущем году вести какие-то активные действия против турок, у которых вообще отсутствовали готовые к войне войска, кроме той «горсти», что вышла на османо-польское разграничение Подолья. Резидент писал о больших потерях османов под Чигирином, которые подорвали военные силы многих провинций империи. Он предлагал королевскому двору пугать Россию возможной утратой Киева, склоняя ее к антитурецкому союзу, но не верил всерьез в способность турок осуществить операцию по его захвату. Османы, по словам Проского, большие надежды возлагают на положительный исход русско-крымских переговоров, собираясь активизировать свою политику против Габсбургов в Трансильвании, и даже якобы готовы уступить Москве земли до Южного Буга. Никакой подготовки большой кампании не наблюдал Проский и текущей осенью: «О Kijowie na tę wiosnę Porta nie myśli, bo się nie przygotowała czy uwiedziona nadzieją straktowania z Moskwą» («О Киеве на эту весну Порты

44 Там же. Л. 18–20.

и не думает, поскольку не готова, а может обольщена надеждой договориться с Москвой»⁴⁵.

Почему Самойлович столь чувствительно воспринимал любые свидетельства о возможном турецком нападении? Во-первых, на гетмана, несомненно, произвела впечатление мощь османской армии, взявшей Чиригин, несмотря на значительные потери и упорство обороняющихся, и повторения столь ожесточенных боев, но теперь уже за Киев, Самойлович решительно не хотел. Во-вторых, играла свою роль частота и повторяемость соответствующей информации именно осенью 1680 г., к чему прилагал руку не только бахвалившийся перед купцами и выходцами из плена Хмельницкий, но и, возможно, сами османские власти, которые могли спланировать некую кампанию дезинформации, в том числе для того, чтобы оказать на Москву давление в условиях шедших в Крыму мирных переговоров. Наконец, в-третьих, не исключено, что гетман Самойлович нагнетал ситуацию умышленно, полагая, что лучше собрать войска и провиант даже в преддверии скорого мира с Турцией и Крымом, нежели прозевать внезапный османский бросок на Киев. Еще более в распространении слухов об активизации турецко-татарской политики на Правобережье Днепра был заинтересован Хмельницкий и его советники, хватавшиеся за последнюю соломинку в тщетных попытках удержаться у власти. Об этом свидетельствует ряд материалов, пересланных в Москву гетманом в декабре 1680 – январе 1681 г.

15 декабря 1680 г. гетман Самойлович писал царю Федору Алексеевичу, что получил от выходцев из османского плена очередные свидетельства подготовки похода турок на Киев⁴⁶. В подтверждение своих речей он прислал двух таких выходцев для расспроса в Малороссийский приказ. Один из них, Савка Поляниченко, «казак леплянский», взятый в плен в Ладыжине в 1674 г. и сбежавший из Килии, сообщил, что, возвращаясь домой, посетил перед Филипповым заговеньем (14 ноября) Немиров. Там он встретился с уже упоминавшимся К. Самченко,

45 С. Проский – Яну III Собескому. 2 июля 1680 г. (н. ст.). Стамбул. – Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rps. 1376. S. 482; С. Проский – Яну Собескому. 7 октября 1680 г. (н. ст.). Стамбул. – Archiwum PAN w Warszawie. Materiały Janusza Wolińskiego. Teka 68. K. 42–50; С. Проский – Я. Гнинскому, коронному подкацлеру (с приложением реляции о турецких делах для короля). 14 ноября 1680 г. (н. ст.). Стамбул. – Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 163a. T. 37. K. 217–222.

46 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 70–74.

застав момент, когда к нему «приходили старшина и мещаня немировские, прося, чтоб доложил Хмелниченка о их великих обидах, которые чинятца им от татар». Самченко будто бы ответил: «Потерпите полтора месяца, как другово месяца половина выйдет, того ж часа сам князь и орда вся что стоит, и что еще болши будет, на Заднепріе пойдут». Это подтвердил и хозяин двора, на котором остановился Савка, добавив, что «указал наш князь и нам готовитца в войско», собираясь выступить в поход на Левобережье «на святках» и ожидая лишь орды, чтобы с ней тремя отрядами «в Подесенье, и к Переволочне, и на слободы московские вместе ударити». По словам немировца, «бусурманский князь» возьмет в поход и пушки, чтобы осаждать и захватывать города, а жителей перегонять на Правобережье. По свидетельству С. Поляниченко, в Немирове находилось 500 чел. белгородской «орды», которая, придя с Буджака, расположилась возле города перед Филипповым загоньем, и на святках будет уже полтора месяца, как этот новый отряд находится при Хмельницком⁴⁷.

Татары из этого отряда скоро попались в казацкие руки. Как писал 5 декабря 1680 г. переяславский полковник Войца Сербин гетману Самойловичу, его казаки четыре дня «с коней не зседа» гоняли «нелениво» за татарским разьездом, пришедшим к Днепру из Немирова, разбив его в конце концов и захватив четверых пленных⁴⁸. Гетман переслал в столицу материалы их допроса⁴⁹. Один из них, служилый татарин Белгородской орды «Атлашко Эсен Алиев сын по прозвищу Урак Увлуев», сообщил, что их отряд (500 чел.) был прислан в Немиров по султанскому указу во главе с крымским Темир-Казы-мурзой «прежним своей братье на перемену»⁵⁰. Три недели назад, то есть в первой половине ноября, мурза, «посоветовав с Юраском Хмелницким», послал разьезд из 32 чел. под командованием некоего Амет-аги к Днепру, чтобы узнать, не замерзла ли река. Под Барышполем эти разведчики захватили 13 пленных и их скот (9 лошадей, 10 быков), но затем были настигнуты и разбиты переяславскими казаками. Ага и 6 татар были убиты, трое

47 Там же. Л. 77–79.

48 Там же. Л. 1–3.

49 Там же. Л. 4.

50 Темир-Казы-мурза – это, судя по всему, тот же военачальник, что пребывал в Немирове с весны и, по-видимому, высылался к Хмельницкому не первый раз (*Яфарова М. Р.* Русско-османское противостояние... С. 392). Возможно, что, как и Батырча-мурза, он оставался при правобережном гетмане, несмотря на смену татарских контингентов.

ушли, остальные попали в плен. По свидетельству Увлуева, в самом Немирове стоял только мурза с двадцатью всадниками, а остальные татары располагались «кругом города». Пленник уже ничего не слышал о якобы планируемом походе на Киев, но сообщил, что Хмельницкий послал К. Самченко «к бею в Белгородчину, над город[ами] старшему, прилежно прося, чтоб ему на оборону во время... опасения к зиме довольность... войск татарских прислал». Будут ли эти дополнительные контингенты присланы, языки не знали, но зато подтвердили слухи о подготовке масштабного османского нашествия «на будущее лето... под Киев» во главе с самим великим визирем. С этой целью османские войска Кара-Мехмед паша зимуют у Дуная, непосредственно возле моста через реку⁵¹. Число казаков у Хмельницкого к концу года значительно снизилось и насчитывало, если верить Увлуеву, чуть более 30 чел.⁵² Таяли и остальные силы «князя». Мехмед, бей Меджибожа, в письме гетману Самойловичу (от 28 октября 1680 г.) с просьбой выменять томящегося в плену его «челядника» отмечал, что при Хмельницком находятся лишь 50 татар-липков и 500 чел. «диких» татар, которые не подчиняются ему, а лишь присланному с ними мурзе и самому «князю» Украины⁵³.

С наступлением зимы поток сведений о скором нападении турок ослаб, хотя и не иссяк вовсе. Иван Калмык, казак полка П. Кожуховского, вышедший из османского плена в Батурин в декабре 1680 г., сообщал, что видел, как некий Мурад-паша был послан с 4-тысячным войском из Адрианополя к Дунаю, чтобы идти к Ю. Хмельницкому. «Явно меж всеми войсками голос, что салтан татчас по весне войною идет под Киев», в связи с чем и Кара-Мехмед паша зимует с войсками в Бабе, Измаиле и Исаке, а в Каменце-Подольском велено собирать провиант⁵⁴.

20 декабря 1680 г. в Чернигове тамошним полковником Василием Борковским был допрошен Лаврентий Шульга (он же Лаврентий Калайда), торговец из Воронежа (сотенный город Нежинского полка), ездивший по купеческим делам в Яссы, где по его свидетельству сильно подорожал ячмень из-за скупки его тамошними купцами для последующей перепродажи османским войскам, а в Сороку свозили дерево для строительства моста через Днестр. В Молдавии купец неоднократно слышал

51 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 9–18.

52 Там же. Л. 17.

53 Там же. Л. 6–8.

54 Там же. Л. 81–83.

о намерении турок совершить поход на Киев. Шульга также ездил продавать товары в турецкое войско, находившееся летом 1680 г. в Подолье для размежевания границ с Польшей и впоследствии не распущенное на зимние квартиры «для походу всех сил на лето».

На обратном пути Шульга вместе с полтавскими купцами посетил Немиров, где два раза виделся с Ю. Хмельницким, который «похвалялся на старшину заднепровскую и называл себя по породе господином». Он велел задержать воронежца и полтавчан до приезда местных купцов, отправленных на Левобережье. Те вскоре вернулись, Шульгу и полтавчан отпустили, и воронежец собрался ехать домой через «поля» к Днепру, однако конюший Хмельницкого «остерег» его, сообщив, что на Левобережье вскоре двинется татарская орда. Она должна была соединиться с Хмельницким, к которому «от орды той уже 2 мурзы... приезжали в Немиров», которых Шульга видел сам. Хмельницкий не хотел начинать поход прежде, чем возвратятся его посланцы, отправленные в Турцию, и потому просил орду задержаться «в полях за Ташликом». Уже упомянутый конюший сообщил Шульге, что посланцев правобережный гетман «с час на час с пилными якимись делами выглядит, и якобы в низ Днепра под украинные города удатись замышляет». Сам «князь» также, по словам купца, «поганую своєю особою прибирается нынешнего зимного часу на сей бок завитати, приготовил юж з килко мает арматки, людей з города и з сел Неме-ровского уизду выбираючи, в пехоту уписуют».

Двинувшись в дальнейший путь, Шульга заехал в Кальник, где встретился с назначенным Хмельницким старостой Семеном. Тот сказал купцу: «Не езди прямо на Заднепріе, щоб татаром в руки не попасть... а подь Полеским уездом и остерегай, щоб тамошние люди по селам не жили». Последнее предупреждение было связано с тем, что они могут стать добычей отрядов Хмельницкого и татар, идущих на Левобережье. Также Шульге удалось узнать, что «князь» Украины послал в Яссы Самченко «для покупки лошадей для дорожного надобья».

Времена малороссийской Руины давали немало примеров жестокости и человеческого ожесточения, однако даже на этом фоне воронежского купца поразило «неслиханное одного розстриги тиранство и немилосердная драпежность, якою тамошних мешканцов и самих подручников своих тропит (мучает. — К. К.)»⁵⁵.

55 См. приложения, док. № 1. В. Борковский отправил Л. Шульгу к И. Самойловичу, где он был повторно допрошен, но уже как Лаврентий Калайда. См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 95–97 («Речь торгового

Прибывший из Ясс купец, киевский мещанин Василий Зименко 21 декабря рассказал киевскому полковнику К. Солонине, что якобы из Каменца-Подольского «част яньчар и чемерисы мели ити до Немирова врагу Хмелниченкови ку помочи». Проезжая Иванков (городок на Правобережье недалеко от Киева), купец узнал от местного казака, недавно вернувшегося из Немирова, что «цале он богоубийца Хмелниченко з приспособленем минтян, волохов и з пехотою» собирается расположиться в Иванкове или в другом месте у Днепра, видимо, для последующего нападения на Левобережье. Помимо этого, Зименко уже традиционно пересказал слухи, что турки весной замышляют атаковать Киев⁵⁶.

7 января 1681 г. в Нежин приехал из молдавского города Сорока купец Савва Константинов «с продажным медом» (выехал из Ясс в середине декабря). Он сообщил, что турки готовятся в поход, а при Хмельницком в Немирове, где он был две недели назад, находятся 400 татар, которые ходили «в малороссийские городы» и набрали много полону. Последнее явно было неправдой, хотя Константинов и заявлял, что встретил возвращавшихся из набега ордынцев по дороге. Ю. Хмельницкий ожидал к себе новой орды на смену⁵⁷.

Гетман Иван Самойлович, подытоживая под конец года собранные известия от языков, выходцев из плена и побывавших на Правобережье торговцев, писал в Москву, что «враг Божий и отступник его закона Хмелниченко готуется в поход военный в державу вашу монаршую на сюю Днепра сторону, и в тот поход себе в помоч сподевается он, враг, сил татарских, по которые з умыслу посылал до Белагородщины». Самойлович надеялся, что набеги татар прекратятся после отправки в Крым посольства стольника В. М. Тяпкина для мирных переговоров, но пока информация с пограничья и диких полей приходила скорее тревожная. Отряд полтавских казаков был разбит татарами в диких полях Правобережья за рекой Ингулом, и сбежавший из плена и добравшийся до дома казак видел «орды там суть велми силныи, а идут они з Белагородщины от реки Богу к Днепрови турским шляхом,

человека воронежского Лаврентья Калайды декабря в 23 день»). И пересказ речей Шульги в письме Борковского, и материалы допроса, присланные из Батурина, безусловно исходят от одного лица, но при этом дополняют друг друга в ряде деталей.

56 К. Солонина – И. Самойловичу. 23 декабря 1680 г. Козелец. – Там же. Ф. 124. Оп. 3. Д. 386. Л. 1–2 об. Перевод см.: Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 212–215.

57 Там же. Л. 262.

которым шли турецкие войска ку Чегиринови». Гетман не сомневался, что поход предпринят в силу подстрекательства «врага Хмельниченка», который может сам «з ними в тот поход совокупитися», и опасался, как бы к нему не присоединились и крымские татары. В связи с этим Самойлович, в соответствии с полученным ранее царским решением, писал в Севск воеводе Л. Р. Неплюеву, чтобы тот спешно собирал войска и выступал на соединение к отрядам гетмана к Новым Млынам (недалеко от Батурина). Оттуда объединенное войско должно было двинуться к Киеву для отражения набега⁵⁸. Неплюев с не самым большим подкреплением – двумя стрелецкими приказами стольников и полковников А. Танеева и Л. Сухарева – прибыл в Новые Млыны 5 января, встретившись на следующий день с гетманом в Батуристине. После ряда встреч и советов гетман и воевода договорились «как понадобитца в сход с войском случитца и общим промыслом при помощи Божии давати отпор наступлениям неприятельским»⁵⁹. Вскоре Самойлович, поняв, что «по вестям нынешним и временам... уж не чаять неприятельского сильного наступления», указал Л. Р. Неплюеву идти в Киев для укрепления города⁶⁰. Вслед им на киевскую службу отправили еще два приказа – стольников и полковников Матвея Вишнякова и Никиты Борисова. Они должны были из Новых Млынов идти в Брянск, а оттуда с «хлебными запасы и с воинскими припасы» двинуться «вешним водяным путем» в Киев⁶¹.

Говоря о снижении риска нападения Хмельницкого, Самойлович основывался на новой информации, стекавшейся в Батуристину.

58 Грамота И. Самойловича на царское имя. 26 декабря 1680 г. Батуристину. – Там же. Ф. 124. Оп. 3. Д. 389. Л. 1–1 об.

59 Грамота И. Самойловича на царское имя. 12 января 1681 г. Батуристину. – Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 293–294. Еще один текст грамоты см.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 7 об.–8 об.

60 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 326–327, 356–357. См. также отписку воеводы князя В. В. Голицына от 18 января 1681 г. из Севска (послан туда воеводой в декабре 1680 г. «для турецкия войны»; см.: Записки о службе и награждении князя Василия Васильевича Голицына // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российских касающихся; изданная Николаем Новиковым, членом Вольного российского собрания при Императорском московском университете. Изд. 2-е. Ч. 17. М., 1791. С. 345) об отправке стрельцов с Неплюевым в Новые Млыны: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 337–339.

61 Там же. Л. 305, 326, 340–344, 354–355.

Белгородский татарин Курман-али, материалы допроса которого гетман прислал в Москву в самом начале января 1681 г., сообщал, что в Белгородской орде никто не слышал о том, что к Ю. Хмельницкому с Буджака или из Крыма будет направлено какое-то большое число татар, кроме обычного контингента. Кроме того, он сообщил, что службу при Хмельницком попеременно отбывают татары из разных районов: «А коли свежая орда з Белагородщины до него придет, то не иншая придет, толко тая, що на перемену назначена, бо з Белагородщины поветами (в Москве перевели как «уездами». – К. К.) тою повинность по указу вейзира турецкого отправуют и бавятся на той службе по месяцю, а бывает на той службе татар по триста, албо и побольшей человека»⁶².

Вести о готовности орды послать на помощь Хмельницкому крупный отряд опроверг и прибывший в Батурин в конце декабря 1680 г. торговец и агент по выкупу и обмену пленными Иван Чеботарь. Он сообщил, что своими глазами видел, как зимовавший на Буджаке ханский сын «перед его в сюю дорогу выездом» двинулся в Крым «с ордою з своего прошлолетнего становиска». Предводитель крымчаков, хотя и «хвалился зо всею ордою ударити за Днепр в Рускую землю», не стал в итоге этого делать «для того, що з Криму обослано ведомостю, иж стался мир з царским величеством московским». В Крыму орда была уже готова к походу, но его отменили из-за прибытия к хану русского посольства. Чеботарь лично слышал об этом от знатного татарина, некоего Бош-аги, который уверял его, что набег может быть только со стороны Ю. Хмельницкого и весьма скромными силами, поскольку при «князе» Украины всего 900 татар, а «болше жадная орда з Белогородщины не пойдет войною на Русь». Отказывался посылать Хмельницкому подкрепление (ни янычар, ни «чемерисов») и паша Каменец-Подольского, «хиба бы хто самоволне пошол для заплати»⁶³.

1 февраля 1681 г. гетман Самойлович сообщил прибывшему к нему на переговоры стольнику и стрелецкому полковнику А. Ф. Карандееву, что, по словам захваченного под Киевом татарина, «мурза крымской, которой ныне при Хмельницком в Немирове, собирал мурз и аг, и знатных татар, а говорил им, что ведомость ему ис Крыму есть: царского величества посланник с ханом о миру

62 Там же. Ф. 124. Оп. 3. Д. 393. Л. 2 об. Переводы см.: Там же. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 2 об.–3 об.; Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 278–281; Там же. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ч. 2. Д. 1139. Л. 24–27.

63 См. приложение, документ № 2.

договариваетца, и чтоб они до тех мест, пока ханской лист не при-
слан к нему о унятии войны, ходили в черкаские города для добы-
чи», поскольку, как только придет послание Мурад-Гирея о прекраще-
нии военных действий, он «в то время их в войну не пустит ни одного
человека»⁶⁴. Видимо, стремясь успеть до официального объявления
мира, где-то в начале февраля 1680 г. отряд белгородских татар, распо-
лагавшихся в Немирове, совершил набег на русское пограничье. Рай-
он, подвергшийся нападению, неизвестен, поскольку начало грамоты
гетмана И. Самойловича, в котором он информировал Москву о слу-
чившемся, не сохранилось. На обратном пути в Немиров от основ-
ного отряда отделились два «загона по несколько на десят человек»,
которые «ударили под Киев и под переяславские города», захватив
несколько пленников у мельниц при р. Лыбеди. Однако казаки были
начеку, поскольку по указу гетмана «в побережных местах днепро-
вых везде войско конное для осторожности розставлено». В резуль-
тате 4 февраля «один загон бусурманской товариство полку Переяс-
лавского с товариством запорожским и с товариством компанейным»,
которые по распоряжению гетмана стояли на правой стороне Днепра
«за пустым местечком Васильковым», «нагнав, побили и полон отби-
ли» (в плен попало 8 человек, четверо из них были присланы в Бату-
рин 18 февраля); второй «загон» из 25 татар был разбит «в конец»
с освобождением восьмерых пленников «малороссийского народа»
(уйти удалось лишь командиру и его спутнику) соединенным отря-
дом городских казаков переяславского полковника Войцы Сербина
(его застава была в с. Вишенки, 15 верст от Киева) и наемников конно-
го ротмистра К. Дмуховского за 5 верст от Василькова (в плен по-
пало 14 татар, из них 10 отослали к гетману). Захваченные языки ска-
зали о ходивших в Белгородской орде слухах, что хан Мурад-Гирей
«жестоко заказал» совершать нападения на русские земли в Крыму,
при этом «в Белогородчину еще такова заказу не бывало». Достав-
ленные в Москву пленные татары сообщили, что Ю. Хмельницкий
находится в Немирове, при нем осталось 100 казаков и 1 тыс. чел.
орды⁶⁵. В конце февраля в Москву пришла новая грамота Самойлови-
ча, сообщавшего о приезде к нему трех «вольных татар» для обмена

64 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 372.

65 Грамота И. Самойловича на царское имя. 19 февраля 1681 г. Батурин. – Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 4. Л. 1–1 об.; Войца Сербин – И. Самойловичу. 15 февраля 1681 г. Вишенки. – Там же. Л. 2 об. – 3 об.; фрагмент допроса в Москве пленных татар. – Там же. Л. 4–5 об.

пленными. Они рассказали, что «к Хмельниченку пришло свежей орды из Белогородчины семь сот человек». Эта вновь «прибылая» орда, соединившись с частью уже находившихся в Немирове татар, совершила набег «в Полесье за реку Припять на села, в державе королевского величества будучие», где было захвачено много пленных. Татары намеревались идти далее, на города Черниговского полка, но наткнулись на гетманские заставы у Днепра и повернули назад⁶⁶. Это последние сведения о деятельности Хмельницкого на Правобережье, сохранившиеся в русских источниках.

20 апреля 1681 г. в Киев возвратился житель Печерского местечка Ивашка Трофимов, которого еще 15 марта послал для «проведывания про неприятельских турских воинских людей» товарищ киевского воеводы, думный дворянин Л. Р. Неплюев. Он доставил послания молдавского господаря Г. Дуки киевскому воеводе П. В. Большому Шереметеву (не сохранились). Будучи допрошен в приказной избе 21 апреля, лазутчик сообщил, что 8 апреля он встречался с Дукой в Яссах. Господарь категорично заявил, что «салтан де турской нынешнее лето в войну под Киев не будет конечно, а имеет де ссоры с цесарем хрестыанским». Известно было в Яссах и о заключении русско-османского мира. Неплюеву Трофимов привез письмо от пирколаба (губернатора) г. Сороки в Молдавии Афанасия Андропова, который также подтверждал, что «нынешняго лета никаких войск под Киев не будет», поскольку у султана с «цесарем есть ссора подлинно». Покинув Сороку 11 апреля, Трофимов на пути к Киеву «никаких неприятельских воинских людей не видал»⁶⁷. По дороге в Сороку и Яссы лазутчик проезжал Немиров, однако в своем рассказе он совершенно ничего не сообщает о деятельности Ю. Хмельницкого. Подобное «молчание» весьма показательно и символично.

Заключение Бахчисарайского договора о перемирии России с Крымским ханством и Османской империей, чьи условия окончательно были согласованы в марте 1681 г., не только ставило крест на всех военных планах правобережного гетмана, но и означало совершенный закат его политической карьеры. Русский дипломат, подьячий Никифор Кудрявцев, возвращавшийся из Турции, прибыл в Немиров где-то в двадцатых числах мая (из Бабы он выехал 12 мая). Здесь он обнаружил,

66 Там же. Л. 5 об.–6 об. Окончание грамоты не сохранилось.

67 Письма А. Андропова – Л. Р. Неплюеву. – Там же. Ф. 196. Оп. 3. Д. 185а. Л. 73–74; отписка П. С. Большого Шереметева. – Там же. Л. 78–79; материалы допроса И. Трофимова. – Там же. Л. 80–82.

что Ю. Хмельницкого совсем недавно арестовали и отправили в Бабу, где он «сидит за караулом». Кудрявцев провел в Немирове три дня, расположившись в «Юрасковых шатрах». Он стал свидетелем того, как в город прибыли два аги (известно имя одного из них: Мустафа-ага; он, видимо, был главным) – уполномоченных сераскера Бабы Кара-Мехмед паши с переводчиком «словенского языка». Они «поставили на Юрасково место Хмельницкого в гетманы казака [Семена] Гречку», одного из приближенных «князя» Украины, ездившего весной – летом 1680 г. с посольством к султанскому двору. Причин к непосредственному свержению Хмельницкого было две. Первая заключалась в том, что «Юраско посылал казака Самченко с татары на украинные города за постановлением нынешних договоров без ведома салтанова величества». Порта, заключив мир с Россией, желала, чтобы теперь «от того ссоры не было». Хмельницкий, таким образом, никак не мог смириться с тем, что султанский двор принес его в жертву мирным договоренностям с Москвой, и организовал какое-то нападение своих казаков во главе с генеральным есаулом К. Самченко на Левобережную Украину. Татары, прикомандированные к Хмельницкому, видимо, не поддерживали его. Впрочем, каких-то сведений о действиях отряда Самченко в конце зимы – весной 1681 г. найти не удалось. Второй причиной отставки стало то, что Хмельницкий, «живучи в Немирове, чинил народу многие пакости». Об этом Кудрявцеву рассказали сопровождавший его османский чауш, а также Бекир-ага, которого к русскому дипломату прикомандировал сераскер Бабы⁶⁸.

Долгое время считалось, что «князь» был заключен в Едикуле пожизненно, но недавно, благодаря донесению польского резидента С. Проского, удалось прояснить обстоятельства судьбы Юрия Хмельницкого после смещения с гетманства. Просидев около года в Семибашенном замке, он был освобожден и жил как частное лицо у иерусалимского патриарха Досифея за счет тех средств, что скопил (в том числе грабежами и истязаниями невинных людей), будучи гетманом в Немирове⁶⁹. Дальнейшие следы его теряются, но, видимо, в скором

68 Там же. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 185–186 об. Ср.: *Яфарова М. Р.* Русско-османское противостояние... С. 504.

69 *Кочегаров К. А.* Правление молдавского господаря Г. Дуки на землях Правобережной Украины и его отношения с Россией и левобережным гетманом И. Самойловичем. 1681–1683 // *Кочегаров К. А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 154–155.

времени Хмельницкий умер. Таков был печальный конец последнего сына гетмана Богдана Хмельницкого. Призрак его будоражил еще некоторое время жителей Правобережной Украины и смежных областей, фигурируя в самых фантастических слухах. Прибывший «для сыску долгов» на Левобережье в апреле 1682 г. из Ясс некий Лаврентий Гуляницкий, служивший учителем у детей великого логофета Молдавии, рассказал, что султан якобы собирается потребовать от польского короля Львов, и если «то дело станетца, имеет Хмельниченка в нем резыдентом постановить»⁷⁰.

* * *

По мере угасания военных операций татарско-турецких и русско-казацких войск на Украине и развития мирных переговоров с Россией в Крыму фигура Хмельницкого все менее интересовала турецкие власти, занятые в первую очередь разграничением Подолья. Посольства Хмельницкого к турецким властям, его усилия по нагнетанию напряженности при османском дворе не дали результата. Старания «князя» получить какую-то поддержку оказались тщетными, несмотря на присылку весной 1680 г. султанской булавы и бунчука. Казацкое войско Хмельницкого таяло, находившиеся при нем скромные контингенты янычар (сейменов), татар-липок, ордынцев, нанятых гетманом за свои деньги, и даже обмундированных по-польски драгун скорее выполняли роль личной охраны «князя». Все попытки набирать людей в Молдавии или силой загнать в пехоту окрестных крестьян оканчивались провалом. На этом фоне Хмельницкий все более попадал в зависимость даже не от крымского хана, а от мурз при бахчисарайском дворе, от которых зависела высылка в Немиров татарских отрядов в рамках регулярной ротации (раз в полгода – восемь месяцев) и от их военачальников (Батырча-мурза, мурза Дивий Мансуров, Темир-Казы-мурза). Эти формирования не составляли серьезной военной силы, их число не превышало нескольких сотен человек (500–700 чел.), более того, они серьезно докучали немногочисленным местным жителям, еще более роняя авторитет Хмельницкого. Со столь слабыми силами последний не мог организовать хоть сколько-нибудь значимые акции против Левобережной Украины. При этом слухи о его там возможном появлении были весьма многочисленны и периодичны, доставляя немало беспокойства гетману Самойловичу. Видимо, понимая стремительное ухудшение своего положения,

70 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 21. Л. 32. См. также: Там же. Л. 34.

Хмельницкий начал переговоры с Самойловичем о переходе под его власть, однако до конца они доведены не были, да и вообще мы не знаем причин их разрыва – произошло ли это по вине Батурина либо по инициативе Хмельницкого. Не исключено, что этого не желал сам Самойлович, крайне болезненно реагировавший на любые намеки, даже самые нелепые, касательно возможного признания населением Левобережья власти «князя». Ненависть Самойловича к Хмельницкому отражают и эпитеты по отношению к нему, часто фигурирующие в переписке самого левобережного гетмана и корреспонденции связанных с ним казачьих старшин: «Ирод», «антихрист», «князь адский», «враг Божий и отступник его закона», «враг безбожный», «клятвопреступный рострига», «богоубийца» и проч.

Парадоксально, но в то время, как реальная власть Хмельницкого все более превращалась в фикцию, сама идея казачьего государства («русского княжества»), «выдуманная» им еще во время сидения в Едикуле (свидетельство С. Куницкого здесь отнюдь не случайно), получает в эпоху «сумерек» правления правобережного гетмана определенное развитие. Формируется концепт княжества, на которое Хмельницкий имеет право именно по своему владетельному происхождению – «породе». Сидя в полупустом Немирове, Хмельницкий считает возможным обращаться свысока к польскому королю, призывая его убраться за Вислу вместе с польским народом. В источниках, даже содержащих пересказы речей третьих лиц, он постоянно именуется князем. По его заказу изготавливают новую печать «Княжества Малороссийской Украины». Он именует себя «князем Украины» («książe Ukrainy») вопреки запрету османских властей использовать княжеский титул («князя Малой Руси и Сарматии»), сделанному по настоянию польского посла в Стамбуле Яна Гнинского в 1678 г.⁷¹ При этом еще в начале правления Хмельницкого обосновывается идея практически полной его независимости от султанских властей со ссылкой на традиции договоров, заключенных отцом «князя» еще с польскими королями (миссия Е. Гиновского-Астаматия в 1677 г.)⁷². В начале 1679 г. крымцы говорили русскому посланнику в Турцию, Ф. Старкову, что Хмельницкий при османской поддержке надеется получить все «владение отца своего, гетмана Богдана Хмельницкого, по старой рубеж московской, по реку

71 *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. S. 96.

72 См. подробнее: *Кочегаров К. А.* Евстафий Гиновский-Астаматий и османская власть над Правобережной Украиной. 1677–1678 // *Кочегаров К. А.* Украина и Россия... С. 21–53.

Семь». Сам Хмельницкий, размахивая саблей перед лицом прибывшего в Жовнин Старкова, гневался на «скурвых сынов, москву», которые «крепко держат у себя владения княжства и панства нашего, столичные места княжества нашего: Киев, Чернигов, Переяславль и протчие города и места даже до Семи реки»⁷³. Впрочем, все эти планы и идеи в вышеописанных условиях не имели никаких шансов на практическое воплощение, в том числе и в силу тотальной деградации и личности Хмельницкого, и функционировавших при нем институтов казачьего самоуправления.

Побывавший в 1675 г. в Чигирине львовский епископ Иосиф Шумлянский писал, что город словно превратился в ханскую столицу – Бахчисарай. Татары торговали захваченным полонем всюду на улицах города и даже прямо под окнами дома, где жил гетман П. Д. Дорошенко⁷⁴. Можно резонно предположить, что еще с большим основанием львовский владыка мог написать нечто подобное, побывав в резиденции Хмельницкого. Доставленный в Москву в сентябре 1680 г. татарин, служивший в Немирове в составе ордынского отряда, свидетельствовал, что «к Хмелницкому в Немиров языков ис-под Киева и из ыных мест приводят по вся дни, и тех де языков роспрося, Хмелницкой нарочитых людей оставливают при себе, а деревенских мужиков отдает им, татаром, и они де тех языков продают в Белогородчину»⁷⁵. Захваченных в плен жителей Левобережья их землякам приходилось выкупать у Хмельницкого. М. Мартынов, посланник миргородского полковника Павла Апостола в Кременчуг сообщал, что встретившиеся ему там «торговые люди кобелянцы (из

⁷³ Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние... С. 390.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 121.

⁷⁵ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 16–17. Так, например, оказался в неволе Федор Власов сын Брусницын, «казачий сын», который в конце февраля 1680 г. ездил к Межигорскому монастырю (возле Киева) «по дрова», где был захвачен немировскими татарами, приведен к Ю. Хмельницкому, который разрешил продать его «в турецкую землю». Татары отвезли его в Килию, где продали купцу из Константинополя, тот перепродал его в рабство некоему турку из Смирны. 29 июня 1680 г. ночью Брусницын «скинув с себя платье, по морю переплыл до ангинского корабля», проходившего мимо. Англичане, узнав, что он христианин, дали ему «платье» и отвезли казачьего сына в Испанию, откуда он на другом корабле попал в Англию (побывал в Плимуте и Лондоне), и, наконец, на третьем английском судне Брусницын прибыл в Архангельск в декабре того же года (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 169. Л. 94, 101–103).

Кобеляк. – К. К.) и беловелянцы» сообщили, как выкупили 10 «своих» пленников у представлявшего Ю. Хмельницкого уманского полковника, который возил к нему «купчую». Причем Хмельницкий якобы заявил полковнику: «Отпускай еще сих, а других как прилучитца не отпускай и держи при себе»⁷⁶, запретив таким образом производить дальнейший выкуп и обмен пленных с Левобережной Украиной. В феврале 1680 г. гетман Самойлович отослал переяславскому полковнику Войце Сербину обратно присланных тем десятерых пленных татар для «розмены» на казаков, которые находились в плену в Немирове⁷⁷. Активное участие в торговле пленниками и из числа земляков сопровождалось неслыханными даже по меркам XVII века жестокостями по отношению к собственным подданным, включая снятие кожи «мешком», закапывание живьем и отрезание носов, причем, судя по всему, ради банальной наживы или даже просто ради забавы одичавшего «князя». Нам почти неизвестны имена приближенных Хмельницкого, кроме наказного гетмана Е. Гиновского-Астаматия, зверски убитого по распоряжению правобережного гетмана⁷⁸, или С. Гречки, посланца «князя» в Турцию, готового сдать патрона в руки Самойловича. Казаки в ужасе дезертировали от такого вождя, уже в начале 1681 г. их в его окружении оставалось несколько десятков человек. Бесславное и трагическое окончание правления Хмельницкого символизировало и тупиковость так называемой осmano-крымской альтернативы для казацкой Украины.

В приложении публикуются отдельные документы, касающиеся правления Ю. Хмельницкого на Правобережной Украине в 1680 г. Публикация документов осуществлена по современным рекомендациям⁷⁹, при этом сохранена литера «ѣ» как имевшая разное фонетическое значение в русском и украинском языках того времени.

76 М. Мартынов – П. Е. Апостолу. [5 декабря 1679 г. Кременчуг]. – Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 268–270. Выкуп пленников и приезд в Кременчуг представителя «князя» Украины – уманского полковника (не названного, к сожалению, ни в одном из документов по имени) подтверждал в своем письме и чигириндубровский сотник С. Панкевич (Там же. Л. 241).

77 Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 4. Л. 4 об.

78 Кочегаров К. А. Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 45–46.

79 См. «Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде» (2022) на сайте Федерального архивного агентства.

Приложения

**№ 1. 1680 г. декабря 20. Письмо черниговского полковника
В. Борковского гетману И. Самойловичу.**

(Л. 1) Ясневелможный милостивый пане гетмане, мой велце милостивый пане и добродѣю.

Жител воронизский назвиском Лаврѣн Шулга, будучы купецким способом в Ясах и оттол простуючи на Немеров, кгда прибрался на сей бок Днѣпра и, змѣряючи ку домови, заихал тут в Чернѣгов, натихмѣст за объявленем мнѣ, иж з тых там краев тепер ново поворочает, з умыслу допитовалемся его вшеляких вѣдомостей, чого бы вѣдом быти могл. О замыслах теды самого головного врага христьянского бѣсурманина чинит таковую повѣст, яковая голосно от всѣх у Волоской землѣ носится, же цале на пришлое лѣто под Киев всѣ погании сылы прибираются. Навет и сам того приглядѣлся и прислухал добре, иж ячменѣ и инные запасы тамошие купцы подлуг своего звычайю юж скуповуют, приспособляючи за часу для походу⁸⁰ оных сыл и якобы юж тамже в Волосѣх загадано палѣ и розное дерево готовити до построения в Сороцѣ через Днѣстр мосту. Был и в таборѣ войск турецких, якие на розграничене з ляхами землѣ выходили и повѣдает, же для походу всѣх сил на лѣто и оные войска не розпущены на зѣму в дома, але з иншими у Дуная на поготовости зостаючими задержаны. До Немерова зас як з многими сей стороны, з Полтавщины и розных городов купецкими людьми приспѣли, так через двѣ неделѣ там по розказаню Хмельниченковом были задержаны, з тых мѣр, же якобы тамошних немеровских людей на сем боку загамовано, леч скоро немеровские в том разѣ з сего боку там ку домови прибули, натихмѣст и их одпущено. Полтавские ж з Немерова просто тим боком полями пошли, а сей на Полоное через Полѣссе перебирался и недел тому тры (л. 1 об.) як з Немерова о богоотступного Хмельниченка злосливом намѣрении за певную рѣч твердит, яко того самовидец, же поганою своею особою прибирается нынѣшнего зимного часу на сей бок завитати, пригатовив юж з килко мает арматки, людей з города и з сѣл Немеровского уизду выбираючи, в пѣхоту уписует. Сомченка для купения на свою потребу коней до Яс послал. А солтанов два певне в помоч до него выйшло, од которых при бытности сего то воронизского Шулги мурзы два в Немеров были присыланы, даючи вѣдати

80 Слово вписано над строкой.

о своем выйстю и освѣдчаючи, иж просто ку Днѣпру зближити мают, и юж бы певне того ж часу под Немеров, албо и к самому Днѣпру солтаны приспѣли, леч правѣ он, враг Хмелниченко, навстрѣчу к ним посылал од себе, иж бы не ославляючися, на сей бок в полях за Ташликом задержали, нѣм бы сам в поход зо всѣм спорадился, и повороту посланцов своих од Порты дочекал, которых час на час с пилными якимис дѣлами выглядит, и якобы вниз Днепра под украинные города удатис замышляет, якую то завзятость его ж Хмелниченков вѣрний конюший з умыслу для перестороги сему Шульзѣ объявлял, которую азали всемилостивый Бог в противный skutok обернути и укнованную на невынний христианский народ згубу на нем самом выконати рачит. Оповѣдает сей же неслиханное оногo розстрыги тиранство и немилосердную драпѣжность, якою тамошних мешканцов и самих подручников своих тропит. И жебы всякую рѣч, чоґоколовек свѣдом ест, сей Шулга достатечнѣ устне оповѣл, не отпускаючи его ку домови, до велможности вашой при моих посланцах отсылаю и себе за тым милостивой рейментарской ласцѣ полецаю, будучи велможности вашой, моего милостивого пана и добродѣя счирозычливый и унѣжоный слуга,⁸¹ Василий Борковский, полковник Войска его царского пресвѣтлого величества Запорозкого чернѣговский⁸¹.

3 Чернѣгова декавря 20 1680.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 384. Л. 1–2. Подлинник. Подпись на обертке (л. 2): Ясневелможному его милости пану Иоану Самойловичу, гетманови Войск его царского пресветлого величества Запорозких, моему велце милостивому пану и добродѣви покорне отдати. *Выше остатки печати красного воска и помета писаря гетманской канцелярии:* Од пана полковника чернѣговского чрез Шулгу, жителя воронизского, з турецкой земли прибылого принесенный, а поданный в канцелярию декавря 22 року 1680. *Ниже четкий восьмиугольный оттиск печати с гербом; в щите изображена сабля клинком вниз, рядом стрела наконечником вверх; нащелемник: три страусовых пера; вокруг щита буквы «В. Б. П. В. Е. Ц. П. В. З. Ч.» («Василий Борковский, полковник Войска его царского пресветлого величества Запорожского черниговский»).*⁸²

Перевод см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 209–211.

81–81 Подпись – автограф.

82 Ср. с описанием печати В. Борковского 1670 г. «в щите: опрокинутый меч и стрела в Андреевский крест» (*Лукомский В. К., Модзалевский В. Л.* Малороссийский гербовник. СПб., 1914. С. 50).

№ 2. 1680 г. декабря 21. Запись рассказа купца И. Чеботаря.

(Л. 1) Мова Ивана Чоботара, толмача, который приехал от неволников, в Каменцу остаючих, для розмѣны. Прибыл в Батурин 21 дня декабря, року 1680.

Выехал он з дому своего з села Волинешти ниже Тягини лежачого⁸³ перед запустами филиповыми⁸⁴ и простовал на Камянец-Подольский. З Камянца выехал перед днем святого Николы⁸⁵.

Знает он и видѣл своими очима, же перед его в сюю дорогу выездом ханский сын с ордою з своего прошлолѣтнего становиска пошел до Крыму. Якобы тот сын ханский перед своим отходом хвалился зо всею ордою ударити за Днѣпр в Рускую землю, але здержался для того, що з Крыму обослано вѣдомостю, иж стался мир з царским величеством московским, о чом он, Иван Чоботар, чул от значного татарина, Бош-акги.

Тот же Бош-акга казал ему, Ивану, же запевно венггри выбили, а других выгнали з своее земли турков, греков и арменов и соединилися з цесарем христианским, хотячи войну вести против турчина.

Була почутка в осени зразу, же вся орда мѣла ити з Бучаку на Заднѣпрѣ, скоро бы зима настала. А при его, Ивановом, з дому выездѣ тот Бош-акга упевнил его, же опроч тоее орды, що до Хмельниченка в Немиров послано, девет сот, болше жадная орда з Бѣлогородщины не пойдет войною на Русь.

И з Крыму при его выездѣ были такие вѣдомости, в Бѣлогородщинѣ, же що были орды на войну в Крыму наготовилися, вже в жадный поход не пойдут для того, же зайшол посел от царского величества з Москвы з примирним договором. О яком договоре и турки, и татаре значные радуются. (Л. 1 об.) Твердит цале он, Иван-толмач, же не мѣли вже орды ити на войну, будучи завстягнены тым примирным поселством, хибя мовит, вже после моего отъезду яка иная укнуется у них, поганцов, завзятость, якої, мовит, я довѣрати не могу.

Турские войска, що были около розграниченя, и що стояли у дунайского мосту, стоят тепер за Дунаем около Силистрии, а цара турецкого чутно резиденцию в Андриполю. Готовост ест до войны, тылько не знать, куда.

83 По-видимому, Волинешти, ныне с. Оланешты в Штефан-Водском р-не Молдавии; Тягина – ныне г. Бендеры в Приднестровской Молдавской Республике.

84 Филиппов пост длился с 15 ноября по 24 декабря.

85 6 декабря.

З Каменца-Подолского не посылаю до Хмелниченка и одного человека, ани з янчар, анѣ з чемерисов, хіба бы хто самоволне пошол для заплати. Пришло было триста янчаров до Каменца-Подолского, которые убили своего акгу, теды каменецкий паша не принял их взглядом их забойства, называючи их своевольными, которые, не маючи где подѣтися, пошли на двое от Камянца, одны до Межибожа, а другие до Бару.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 390. Л. 1–2. Подлинник. На л. 2 помета: 189-го генваря в 1 день списать.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Archiwum Główne Akt Dawnych.

Archiwum PAN w Warszawie.

Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.

Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: Русское слово, 2022. 528 с.

Записки о службе и награждении князя Василия Васильевича Голицына // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российских касающихся; изданная Николаем Новиковым, членом Вольного российского собрания при Имп. московском университете. Изд. 2-е. Ч. 17. М.: Тип. Компании типографической, 1791. С. 284–356.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. 424 с.

Лукомский В. К., Модзалевский В. Л. Малороссийский гербовник. СПб.: Типография «Сириус», 1914. XXVI+213+LXVIII+13 с.

Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние 1672–1681 годов. М.: Наука, 2024. 567 с.

Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Polczek Polskiego Czerwonego Krzyża, 1994. 264 s.

References

- Gus'kov, A. G., Kochegarov, K. A., Shamin, S. M. *Russko-turetskaia voina 1686–1700 godov*. Moscow: Russkoe slovo, 2022, 528 p.
- Iafarova, M. R. *Russko-osmanskoe protivostoianie 1677–1681 godov*. Moscow: Nauka, 2024, 567 p.
- Kochegarov, K. A. *Rech' Pospolitaita i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o Vechnom mire*. Moscow: Indrik, 2008, 504 p.
- Kochegarov, K. A. *Ukraina i Rossiia vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiia, kul'tura*. Moscow: Kvadriga, 2019, 424 p.
- Kołodziejczyk, D. *Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Polczek Polskiego Czerwonego Krzyża, 1994, 264 p.
- Lukomskii, V. K., Modzalevskii, V. L. *Malorossiiskii gerbovnik*. St Petersburg: Tipografia «Sirius», 1914. XXVI+213+LXVIII+13 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01

K. A. Kochegarov

The Last Days of Yurii Kchmelnitsky

Kirill A. Kochegarov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9877-7381

Citation

Kochegarov K. A. The Last Days of Yurii Kchmelnitsky // Slavic Almanac. 2025. No. 1–2. P. 12–46 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01

Received: 05.03.2025.

Revised: 12.03.2025.

Accepted: 18.03.2025.

Abstract

As the Russo-Turkish war of 1672–1681 was coming to its end, the Ottoman Empire lost the interest in supporting the sultan's puppet, the Right-Bank Cossack hetman Yurii Kchmelnitsky. The latter was threatened

by imminent overthrow and replacement by an ottoman administrator as rumors about it were circulating since the beginning of 1680. In this situation, Kchmelnitsky, in the fall of 1680, supported the spread of information about the potential Ottoman invasion of Kiev in the spring of 1681. Ivan Samojlovich, the hetman of the Left-Bank Ukraine, was very worried by any information about Ottoman military preparations, which former prisoners of war and spies delivered to Baturin. Its highly likely that the sultan's court actively supported the rumors about its intentions to invade Kiev to make Russia more compliant during the peace negotiations. In reality, the Porte and Crimea strived for peace, which was concluded in the beginning of the 1681. Kchmelnitsky's fate was sealed. He was overthrown and sent to Constantinople.

Keywords

Ivan Samojlovich, Yurii Khmelnytsky, the Russian-Turkish war of 1672–1681, the Right-Bank Ukraine.